

Ширина хребта Большой Хинган достигает двухсот-трехсот километров, так что отыскать дорогу, способную пропустить тяжелый дом на колесах, оказалось делом непростым. Братец Кай упрямо вел фургон по крутым склонам, выписывая замысловатые зигзаги, и метр за метром поднимал Тан Буфаня и Лу И все выше.

По пути им то и дело попадались лесные обитатели — стоило Тан Буфаню приоткрыть окно, как перед глазами представало удивительное разнообразие дикой природы.

Возможно, спасаясь от мутировавших toxic-людей, обычные токсичные люди тоже потянулись в горы. Из чащи вековых лесов то и дело доносились их глухие, лишённые всякого смысла завывания.

— Думаешь, мутанты не сунутся вслед за ними? — Тан Буфань с легкой тревогой посмотрел в окно.

Он уже успел натянуть плотный шерстяной свитер, поверх которого накиннул старенькое драповое пальто, и теперь сидел у окна напротив Лу И, неторопливо ужиная.

— Наверху им негде укрыться от стужи, так что вряд ли они сюда полезут, — отозвался Лу И.

На нем тоже красовался поношенный джемпер с V-образным вырезом — из старых запасов дяди Волка.

— Но они ведь куда выносливее обычных токсичных людей? — спросил Тан Буфань, отправляя в рот порцию салата с мясными волокнами.

— Звери уходят на юг, горы пустеют. Здесь просто нечего ловить, — успокоил его Лу И. — Даже если кто-то из мутантов забредет сюда, долго они не протянут: без еды долго не навоюешь. Обычные токсичные люди спасаются зимой тем, что плетутся вслед за великим звериным приливом. Мутировавшие могут сколько угодно презирать холод, но голод им не одолеть.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Буфань.

Не успел он договорить, как борт автодома содрогнулся от глухого удара. Оба мгновенно повернулись к окну: мимо фургона, сметая кусты на своем пути, неслась обезумевшая от страха оленья отара.

Следом за ними, тяжело переваливаясь, выбежал огромный бурый медведь. В его челюстях, слабо дергаясь, хрипел молодой олень.

Спутники, уже привыкшие к подобным картинам постапокалиптического быта, невозмутимо продолжили трапезу. Тан Буфань легонько ткнул вилкой в сторону толстого оконного стекла,

указывая на хищника.

— Слышал когда-нибудь, что медведи умеют подражать людям? — с любопытством спросил он.

Лу И, сосредоточенно пережевывая мясо, лишь равнодушно пожал плечами.

Тогда Буфань решил немного попугать мальчишку, придав голосу таинственности:

— Представь: глухая чаща, клубится густой туман. Вдруг сквозь пелену ты замечаешь вдали темный силуэт, который машет тебе рукой. Запомни: приближаться к нему ни в коем случае нельзя. Это не человек — это медведь, который заманивает тебя в ловушку.

Лу И задумался на секунду, а затем парировал собственной страшилкой:

— А может, это и не медведь вовсе. Вдруг это зверолод с примесью медвежьих генов? Родился калекой или слабоумным, родители выбросили его в глухомани, и теперь он скитается по лесам — жуткое существо, застрявшее между зверем и человеком.

Тан Буфань лишился дара речи. Он вновь скользнул взглядом по окровавленной морде зверя за стеклом, и по спине пробежал неприятный холодок. Вдруг это чудовище действительно когда-то было... человеком, лишившимся рассудка и запертым в шкуре хищника?

Что ж, в конкурсе страшных историй победа безоговорочно досталась Лу И.

Когда солнце закатилось за вершины, тьма, подобно первобытному чудовищу, поглотила хребет. Лишь одинокий фургон рассекал эту мрачную бездну, роняя на серый снег мягкие отсветы теплых желтых фар.

Укутавшись в ватное одеяло, Тан Буфань сидел на своей железной койке и сосредоточенно вязал свитер. Лу И в это время возился снаружи, разводя костер, чтобы вскипятить для учителя целебный травяной отвар. Температура за бортом стремительно падала, и стекло за спиной Буфаня медленно затягивалось тонким узором изморози.

Прислонившись плечом к холодному металлу обшивки, Тан Буфань внезапно громко чихнул.

Этот звук мгновенно привлек внимание: Лу И замер у костра, а в кабине плавно повернулся объектив бортовой камеры.

— Братец Кай, закрой дверь, — крикнул Лу И с улицы. Мороз уже явно перешагнул нулевую отметку.

— Да ладно, пусть проветрится, — отозвался Тан Буфань. Он поднялся с койки, решив сменить тонкое пальто на более теплую куртку. Кусачий сквозняк доказывал, что демисезонная одежда больше не спасает.

— Сяо Тан, включить отопление? — раздался из динамиков мягкий голос Кая.

— Не нужно. Мы и так тратим кучу горючего каждый день, с печкой бак опустеет в один миг, — Буфань решил приберечь ресурсы. — Я просто оденусь потеплее. Вот когда прижмет до минус десяти, тогда и запустим обогрев.

Лу И поднялся в салон с железным ведром, подцепил щипцами несколько рдеющих угольков из костра и аккуратно водрузил эту импровизированную жаровню возле кровати учителя.

— Согрейтесь, учитель, — заботливо произнес он, бросив взгляд на потолок. — Я утром поднимался на крышу за зеленью и заметил, что волчья шкура уже подсохла. Сейчас сниму ее, прогрею над огнем и постелю вам на койку. Что скажете?

На крыше фургона действительно сушились шкуры волка и медведя, добытые Лу И ранее. Первоначально они планировали выменять их на рынке на полезные припасы, но в суматохе дороги совсем позабыли о трофеях.

Быстро стянув пальто возле стеллажей, Тан Буфань облачился в куртку и поспешил обратно к теплу. Он протянул замерзшие ладони к тлеющим углям и благодарно кивнул мальчику.

— Давай, хорошая мысль.

Лу И ловко взобрался на крышу, скинул волчью шкуру и принялся терпеливо расправлять ее над пламенем, высушивая остатки влаги. Буфань отложил вязание, плотнее завернулся в куртку и завороченно уставился на огонь.

Поленья негромко потрескивали. Мерное тепло убаюкивало, и Тан Буфань сам не заметил, как его веки потяжелели, а голова начала бессильно клониться вниз. Из полудремы его вывело прикосновение горячей широкой ладони, которая мягко поддержала его за подбородок.

Приоткрыв глаза, он обнаружил, что Лу И уже закончил работу и теперь стоял прямо перед ним.

— Нет, оставлять уголь у самой постели нельзя, — недовольно нахмурился юноша. — Вы же засыпаете на ходу.

Буфань и раньше грешил внезапными обмороками. Если бы он сейчас потерял сознание и рухнул лицом прямо на раскаленные угли, беды было бы не избежать.

— Сон сморил... — Буфань потер виски, пытаясь стряхнуть оцепенение.

— Сейчас я все устрою, — Лу И носком ботинка отодвинул ведро подальше и жестом попросил учителя подняться.

Послушно перебравшись на раскладной стул, Тан Буфань поплотнее запахнул куртку и шмыгнул носом.

— Неужели простудились? — спросил Лу И, расправляя шкуру на койке. Тихий хриплый шмыг не укрылся от его чуткого слуха.

— Похоже на то, знобит немного, — Буфань покосился на окно. Стекло с внешней стороны успело покрыться ледяной коркой, а он ведь битый час сидел, привалившись к этой ледяной стене.

— Я найду вам лекарство, — Лу И проверил ладонью прогретый мех. Шкура оказалась на удивление мягкой и уютной.

"Надо будет завтра выследить еще парочку пушных зверей", — отметил он про себя.

Размеров волчьей шкуры как раз хватало, чтобы застелить узкую койку. Закончив с постелью, Лу И снова выскочил наружу — целебное снадобье как раз дошло до нужной кондиции.

Глядя на эти непрекращающиеся хлопоты, Тан Буфань уколол себя чувством вины. Неправильно это, когда ребенок ухаживает за ним, взрослым человеком, словно за малым дитем. Как отблагодарить его за такую преданность? Буфань лишь тяжело вздохнул, не находя ответа.

Вскоре Лу И вернулся с дымящейся пиалой в одной руке и таблеткой от простуды в другой. Тан Буфань принял посуду, согревая озябшие пальцы о глиняные бока, и принялся делать маленькие, осторожные глотки. Он все еще надеялся урвать часок-другой для вязания.

— Лу И, тебе какой ворот больше нравится — высокий или пониже? — спросил он, кивнув на моток шерсти.

— Примерно такой, — мальчик потянул пальцем за свободный край своего V-образного джемпера. — Высокий не надо, он мешает, если придется экстренно обращаться.

— Но ведь замерзнешь, — усомнился Буфань. Вырез был настолько глубоким, что при малейшем наклоне обнажал очертания крепких юношеских мышц.

— Мне тепло, — усмехнулся Лу И. — В прежние времена, когда зверолюди еще томились в

человеческом рабстве, у нас не то что теплых свитеров — нормальной одежды не водилось. Круглый год в рваных каторжных робах.

Жестокий естественный отбор оставил в живых лишь тех, чей организм мог без труда переносить любые капризы погоды. Слабые попросту сгинули.

Тан Буфань не нашел в этом признании ничего забавного. Сердце неприятно сжалось.

К тому моменту, как лекарство было выпито до дна, усталость навалилась свинцовой плитой. Мечты о вязании пришлось отложить до утра.

Лу И затушил угли кострища, братец Кай с глухим щелчком заблокировал тяжелые бронированные двери, и в салоне погас свет. Огромный дикий хребет Большого Хингана окончательно погрузился во мрак.

На следующий день Тан Буфань очнулся только к полудню. Фургон мерно покачивался на ухабах — Кай упорно вел машину вперед, отыскивая пологий перевал среди бесконечных скалистых круч.

Буфань слабо застонал. Голова раскалывалась от дикой боли, веки казались налитыми свинцом. Он застрял в каком-то липком, полубредовом забытии между сном и явью.

Кое-как совладав с непослушным телом, он попытался спустить ноги с постели, но едва ступни коснулись пола, как колени подогнулись, и он мешком рухнул вниз.

— Учитель!

Сквозь гул в ушах прорвался взволнованный голос — молодой, с приятным бархатистым тембром. Буфань попытался вспомнить, кому он принадлежит, но воспаленный мозг отказывался соображать.

Он беспомощно заворочался на полу, зажмурив глаза. Почти сразу же его подхватили сильные, надежные руки и бережно перенесли обратно на волчью шкуру.

Буфань беззвучно шевельнул губами, пытаясь позвать на помощь, но из горла вырвался лишь сиплый вздох. Преодолевая слабость, он приоткрыл веки и сквозь пелену слез разглядел смутные черты красивого юношеского лица.

Лу И приложил ладонь к его лбу. Былая мертвенная прохлада исчезла — кожа учителя буквально пылала. Собственная температура тела Лу И составляла тридцать девять градусов, и сейчас лоб Буфаня казался точно таким же горячим. Для обычного человека это был критический порог.

— Учитель, у вас сильный жар, — Лу И поспешно укутал его одеялом и вытащил из-под кровати аптечку, лихорадочно перебирая склянки в поисках жаропонижающего.

Слово "учитель" эхом отозвалось в угасающем сознании Буфаня, зацепив какую-то смутную ассоциацию. В помутненном разуме всплыл далекий образ.

— Чэнь Фэй... — тихо прошептал он.

Пальцы Лу И, разбиравшие лекарства, замерли. Он потрясенно вскинул голову.

— Чэнь Фэй... — из глаз больного покатались крупные горячие слезы. — Прости меня... Я виноват перед тобой...

В груди у Лу И защемило. Глядя на мечущегося в бреду Буфаня, он ощутил такую острую, детскую обиду, что к горлу подступил ком.

— Учитель, молчите, пожалуйста, — выдавил он, пытаясь убедить себя, что это лишь плод высокой температуры. Отыскав нужную капсулу, он осторожно вложил ее между сухими губами Буфаня.

Без капли воды проглотить жесткую желатиновую оболочку оказалось невозможно. Пустой желудок, не получавший пищи со вчерашнего дня, отозвался резким спазмом. Буфань судорожно выгнулся и выплюнул лекарство.

На пол брызнула горькая желудочная кислота вместе с раскисшей капсулой. Лу И взволнованно опустился на колени у кровати и принялся бережно гладить Буфаня по вздрагивающей узкой спине.

— Лу И, дай ему теплой воды, — вовремя подсказал ровный синтезированный голос Кая.

Опомнившись, юноша метнулся к плите за водой, достал еще одну таблетку и бережно приподнял Буфаня, прижимая к своей груди.

Кое-как, делая вялые глотки, Тан Буфань сумел проглотить спасительную пилюлю. Но слезы так и не остановились — эта детская особенность всегда проявлялась у него во время болезни.

— Чэнь Фэй... Чэнь Фэй... — продолжал бессвязно шептать он.

Лу И крепче прижал его к себе, заворачивая в тяжелое шерстяное одеяло. На душе было невыразимо горько.

Он понимал, что призрак погибшего ученика давно стал вечным проклятием Тан Буфаня. Но какая-то эгоистичная часть его существа надеялась, что теперь, в беспамятстве, учитель позовет именно его.

"Учитель, теперь рядом с вами я. Это я, Лу И..."

Он хотел сказать это вслух, но, взглянув на беззащитное, исплаканное лицо мужчины, лишь безнадежно вздохнул.

— Я здесь, учитель, — негромко отозвался он, не решаясь разрушить эту иллюзию.

— Чэнь Фэй... — услышав знакомый отклик, Буфань немного успокоился. Складка между бровей разгладилась, и под действием сильного лекарства он наконец погрузился в глубокий сон.

Но слезы все еще катились по бледным щекам. Лу И осторожно покачивал его на руках, тихо нашептывая какие-то бессмысленные успокаивающие слова, пока дыхание мужчины не выровнялось окончательно, а влажные дорожки на лице не подсохли.

Уложив Буфаня на койку, Лу И тщательно подоткнул одеяло со всех сторон и принялся наводить порядок.

В воздухе повис кислый запах рвоты. Лу И сделал знак бортовой камере над приборной панелью, и Кай послушно прижал фургон к обочине лесной просеки, заглушив двигатель.

Едва приоткрылся потолочный люк, как внутрь ворвался обжигающий лесной воздух. Наскоро протерев пол влажной тряпкой, Лу И подбросил свежего угля в ведро у кровати, чтобы компенсировать сквозняк.

За тонкими стенами фургона то и дело слышался топот бегущих на юг животных. Закончив уборку, Лу И с тяжелым сердцем прошел в кабину.

— Братец Кай, может, вколоть ему антидот? — вполголоса спросил он у бортового компьютера.
— У нас осталось три ампулы.

Тан Буфань берег их на крайний случай, но Лу И видел, что травяные сборы старейшины Ваня действуют слишком медленно и не справляются с кризисом.

— Сяо Тан только что принял жаропонижающее. Смешивать препараты сейчас опасно, может возникнуть конфликт компонентов, — приглушенно ответил динамик.

Лу И устало потер виски. Придется подождать несколько часов. Если температура не спадет

или Буфань не сможет принимать отвар, тогда уже пойдет в ход проверенное средство.

В бок фургона снова кто-то врезался. Лу И выглянул в лобовое стекло: небо над вершинами деревьев потемнело от колоссальных стай перелетных птиц. Напор миграции нарастал с каждой минутой.

— Запускай мотор, едем дальше вверх, — скомандовал он Каю. — Мы поднялись недостаточно высоко.

Нужно было забраться туда, куда не доберется безумный поток дикого зверья.

— Принято, — мягко отозвался Кай, и фургон, тихо заурчав двигателем, возобновил свой нелегкий подъем.

<http://bllate.org/book/19039/2003680>